

Шагин Иван Анатольевич

НАРОДНЫЕ СУДЫ И УСТАНОВЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЗАКОННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917-1919 ГГ.

В статье рассмотрены особенности установления новой советской законности на территории Псковской губернии в 1917-1919 гг., выделены общие характеристики большевистского понимания законности, служившие основаниями деятельности органов юстиции. Особое внимание обращено на деятельность народных судов. Проанализированы факторы, влияющие на установление новых принципов законности: исторические условия, субъективное представление населения и отдельных представителей государственной власти о праве как системе межличностных отношений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/7-2/52.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 210-213. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Такого рода ситуация оказывает дестабилизирующее воздействие на самосознание личности в российском обществе. С одной стороны, основание для единства обществу необходимо: идентификация вне ощущения своей общности с другими невозможна, как, впрочем, и персонификация, ведь для становления и роста личности необходим культурный фундамент, предоставляемый общественными уровнями сознания. С другой стороны, прежние системы ценностей, характерные для индустриального и традиционного типов обществ и отстаиваемые значительными слоями общества, уже не отвечают современным реалиям и дезориентируют человека, не позволяя ему развиваться и соответствовать изменениям в окружающем мире. Все это говорит о том, что российское общество сильно фрагментировано. Жесточайший гуманитарный кризис, отсутствие единого символического универсума, идеологические симулякры, негибкость элиты, ее неспособность оперативно реагировать на вызовы современности, разрушая самосознание человека, создают социальные риски политических, религиозных, этнических конфликтов, результаты которых крайне негативно сказываются на современной Российской действительности.

Список литературы

1. **Торфлер Э.** Третья волна. М.: АСТ, 2002. 776 с.
2. **Фромм Э.** Человек для себя. Революция надежды. Иметь или быть. М.: АСТ, 2007. 608 с.
3. **Хейзинга Й.** *Homo ludens* в тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. 464 с.
4. **Beck U.** Jenseits von Stand und Klasse // *Soziale Welt*. Göttingen, 1993. Sonderband 2.
5. **Dolan K.** Attitudes, Behavior, and the Influence of the Family: a Reexamination of the Role of Family Structure // *Political Behavior*. 1995. Vol. 17. № 3.

**FEATURES OF INDIVIDUAL'S SELF-CONSCIOUSNESS FORMATION
IN CONDITIONS OF RUSSIAN SOCIETY RISK CHARACTER**

Kseniya Vyacheslavovna Khramova, Ph. D. in Philosophy
Damir Mustafievich Azamatov, Doctor in Philosophy, Professor
*Department of Philosophy and Social-Classical Disciplines
Bashkir State Medical University
khramkv@mail.ru*

The authors conduct the social-philosophical analysis of individual's self-consciousness formation within the following risk-bearing social spheres of modern Russian society: public health, education, religion, family and professional activity, and also study the problems of modern mass communications and Russian modernization processes specificity in the aspects of their impact on human consciousness.

Key words and phrases: self-consciousness; individual; Russian society; modernization; post-industrialism; risk; social risks; public health; education; religion; family; professional activity; mass media; virtualization of consciousness.

УДК 908(470.25)1917/1919

В статье рассмотрены особенности установления новой советской законности на территории Псковской губернии в 1917-1919 гг., выделены общие характеристики большевистского понимания законности, служившие основаниями деятельности органов юстиции. Особое внимание обращено на деятельность народных судов. Проанализированы факторы, влияющие на установление новых принципов законности: исторические условия, субъективное представление населения и отдельных представителей государственной власти о праве как системе межличностных отношений.

Ключевые слова и фразы: Псковская губерния; временные революционные суды; законность; комиссар юстиции; судебный комиссар; народный суд.

Иван Анатольевич Шагин
*Кафедра русской истории
Псковский государственный университет
ivashagin@yandex.ru*

**НАРОДНЫЕ СУДЫ И УСТАНОВЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЗАКОННОСТИ
НА ТЕРРИТОРИИ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917-1919 ГГ. ©**

Октябрь 1917 г. ознаменовал начало нового этапа в истории российского государства. Пришедшие к власти в результате государственного переворота большевики незамедлительно приступили к формированию правоохранительной системы, основополагающим элементом которой являлся создаваемый народный суд.

Среди задач, которые ставились перед народными судами советской России, выделялась одна – расширение законности в контролируемых большевиками местностях. Представители нового политического режима имели своё представление о законности как категории права. По мнению В. И. Ленина, «...воля, если она государственная, должна быть выражена как закон, установленный властью; иначе слово “воля” пустое сотрясение воздуха пустым звуком» [11, с. 340]. Основой государственного строительства является строгое соблюдение вновь появляющегося законодательства со стороны и граждан, и органов власти. Особую сложность реализации, даже избирательно, революционной законности у местных народных судей вызывали противоречия по поводу исполнения постановлений центрального советского правительства на местном уровне. Проблема имела субъективный характер: революция и гражданская война подняли к жизни не самые лучшие качества народного сознания, ведущие к повсеместному нарушению не столько нового советского законодательства, сколько права как такового вне зависимости от восприятия и принятия советской власти в связи с нестабильностью политической обстановки. Как отмечало губернское руководство, - «у наших граждан, только что вышедших из-под опеки земских начальников, нет твёрдого сознания необходимости подчинения писаному закону, а не только физическому напору и давлению военной силы» [9, д. 29, л. 163]. Революционные события весны-осени 1917 г. и Гражданская война способствовали развитию в массовом сознании правового нигилизма, поскольку стороны социально-политического конфликта в процессе борьбы за власть зачастую сами пренебрегали и нормами морали, и писаным законом [2, с. 20-25].

Составляло трудности непонимание представителями местных властей, главным образом волостных и уездных исполкомов, идей социалистической законности. У них было скорее «смутное искание личных прав без обязанностей перед государством и обществом». В свою очередь, простые граждане, не имеющие доступа к власти, не всегда чётко осознающие свои права, предоставляемые им советской властью, не стремились требовать от государственных органов, формально выступающих от их имени, «выделенных трудовым классом», исполнения своих прав и отстаивания законных интересов. Это вызывало необходимость наличия активной позиции у народных судей, не имеющих пока, несмотря уже почти на год существования советской власти, «тесной связи с населением». Зачастую возникала и объективная потребность реагировать на незаконные действия местных органов власти, представляющих «из себя только совокупность личностей, не имеющих государственных и общественных задач, а преследующих личные интересы», обращением в суд. Эта воспитательная задача была возложена на уездных комиссаров юстиции или судебных комиссаров, как они часто назывались в документах исполкомов, которые кроме полномочий по управлению правоохранительными органами на местах получили право осуществлять контроль деятельности местных органов исполнительной власти в области применения норм советского законодательства [9, д. 29, л. 163]. Признавалась за народными судами и функция формирования нового, т.н. «народного права», внедрявшего в общественное сознание новые «социальные начала» и «высокое представление о гражданине советской республики» [8, д. 340, л. 87 об.]. В результате такого поиска форм «нового права» в массовом сознании зачастую происходило формирование искажённых представлений о «должном» правопорядке [1, с. 83-87].

В начальный период вынужденной эвакуации 1918 г. советских учреждений в г. Великие Луки в связи с требованиями положений Брестского мирного договора с Германией на территории Псковской губернии произошла значительная дестабилизация политической обстановки, обостряющаяся под влиянием разгорающейся гражданской войны. Результатом этого стал рост криминализации общества. Псковский губернский исполнительный комитет предпринял попытку самостоятельного нормотворчества, в результате которой появился декрет о создании в губернии Временных революционных судов [10, д. 1, л. 17 - 17 об., 18 - 18 об.]. Окончательный смысл появления этих учреждений выяснить не представляется возможным. Они действовали на контролируемой псковскими большевиками территории, а значит, сосуществовали с организуемыми в соответствии с Декретом о суде № 1 народными судами. В соответствии с местным декретом они должны были стать жёстким ответом псковской советской власти на разгул преступности, «разграбление народного богатства» и пьянство, особенно массово проявившееся в это время. Временные революционные суды получали широкие полномочия, которые включали возможность использования практически всех мер воздействия на осуждённых: взыскание, штрафы различных размеров, лишение свободы, общественное порицание, объявление врагом народа, лишение всех или некоторых политических прав, конфискация имущества, общественные работы, объявление вне закона. Таким образом, губернский исполком, не вмешиваясь напрямую в работу только появляющихся народных судов, избежав прямого нарушения республиканского законодательства, смог ответить на вызовы времени. Однако целесообразность появления этих учреждений оставляет вопросы. В декрете, например, содержалась оговорка о том, что в местностях, где существуют местные суды, временные революционные – «излишни». В связи с этим получается неясная ситуация с системностью установления законности в различных местностях губернии. Наказание за одно и то же преступление могло быть в юрисдикции разных судов различным. Нет в документе и прямого указания о чрезвычайном характере революционных судов, кроме запрета на апелляции и кассации на их решения и немедленное приведение приговора в исполнение, что также ограничивало правовое равенство населения. Общий же принцип осуществления судопроизводства полностью соответствовал требованиям времени и носил субъективный характер – вынесение приговоров на основе «гражданской революционной совести в зависимости от

степени преступления и могущих произойти от него вредных последствий». Определение наказания судья должен был проводить «по мере революционной совести».

В целом революционные суды носили публичный характер. Число назначаемых на процесс судей было ограничено лишь требованием «не менее 5 лиц», их максимальное количество не ограничено. Формирование кадрового состава производилось местными Советами из числа граждан, известных «самыми наилучшими нравственными качествами, безусловной честностью и справедливостью» [Там же, л. 18 об.]. Но предпочтения отдавали лицам с юридическим образованием или хотя бы «юридическими познаниями». Псковские большевики, видимо, пытались придать борьбе за законность не просто открытую, насколько это возможно в условиях господства одной политической партии, направленность, но и обеспечить дополнительный авторитет этим учреждениям в существующих условиях.

Временные революционные суды действовали с 9 марта по 25 апреля 1918 г. при губернском и уездных советах, а также в посёлке Дно, г. Солец, станции Новосокольники [7, д. 6, л. 72 - 72 об.; 10, д. 1, л. 18 об.].

В 1919 г. была выявлена проблема при назначении народными судьями в приговорах и решениях такого наказания как «общественные принудительные работы без содержания под стражей». В обстановке боевых действий местные советские власти не всегда имели возможности для создания условий исполнения приговоров. Как результат – неисполнение решений народного суда, влекущее осознание со стороны подсудимых безнаказанности, что, безусловно, не способствовало укреплению законности в губернии. Губернский отдел юстиции вынес постановление о переводе таких подсудимых в места лишения свободы. Расчёт срока заключения был следующим – день пребывания в тюрьме за три дня общественных работ [10, д. 7, л. 17]. В целом же, по мнению губернского отдела юстиции, борьба с преступностью как с социальным явлением только в том случае действительна, когда «будет поставлена на должную высоту организация трудовых лагерей на основе массового организованного принудительного труда» [Там же, л. 101 об.]. Подобные сложности уже вставали перед народными судами в 1918 г., когда имела место практика назначения обвиняемым кратковременных сроков лишения свободы (до трёх месяцев). Зачастую срок заключения граждан заканчивался по пути в пенитенциарное учреждение, что приводило к значительным финансовым затратам и нарушению воспитательного и исправительного смысла наказания. Именно поэтому в 1919 г. начинается замена по требованию губернского отдела юстиции наказаний в виде лишения свободы на общественные работы [5, д. 18, л. 20]. Назначение общественных работ в течение 1919-1920 гг. всё больше приобретало классовое значение. Исходя из концептуального подхода новой политической системы – диктатура пролетариата, органы новой власти стремились использовать в целях распространения революционной законности и поднятия авторитета народных судов, реализовывать принцип неотвратимости наказания в любой обстановке. Поэтому неоднократно издавались распоряжения о замене наказаний экономического характера (штрафы) на общественные работы ввиду их несостоятельности. Назначаемые штрафы оплачивались «керенками», в которых нужды «республика не имеет». А «труд всех на пользу всем» являлся более предпочтительным и целесообразным [8, д. 342, л. 25].

На съездах народных судей неоднократно поднимались вопросы новой законности и необходимости именно трудового перевоспитания заключённых. По мнению народных судей, «тюрьма – пережиток свергнутого буржуазного строя» [5, д. 88, л. 53]. Новый советский суд, в отличие от прежнего, дореволюционного, должен защищать человека, «впавшего в преступление». Способ исправления казался простым – «приучение к труду осмысленному и производительному». Реализация этого возможна путём привлечения к общественным работам. Тюремное заключение осталось прерогативой рецидивистов. Псковские деятели юстиции надеялись, что нормально налаженная и конструктивно проводимая карательная политика губернских судов будет способствовать тому, что они станут «мощным органом революционно-пролетарского правительства республики».

Большое количество вопросов у граждан, а также и у работников советских и партийных органов, вызывало назначение судьями необычной для России меры пресечения – «условное наказание», - которая характеризовала появление особого уровня доверия между государством и обществом. Формальный выход осуждённых на свободу вызывал сомнение населения в целесообразности функционирования народных судов. Отсюда заявления из уст уездных ответственных работников о том, что «суды работают худо», а «условное осуждение» означает на практике – «кради, да не показывайся». Губернское и уездное руководство органов юстиции, народные судьи на различных съездах и совещаниях были вынуждены разъяснять сущность института условного осуждения, указывая, что он является «одним из важнейших завоеваний рабочей революции», придавая тем самым политическое и идеологическое значение деятельности народного суда [Там же].

Особое направление мероприятий по становлению законности на территории Псковской губернии составляла борьба с самогоноварением, хулиганством и контрабандой, учитывая приграничное положение региона. Неоднократно на уездном и губернском уровнях звучали требования в адрес народных судов «применять суровые репрессии к выгонщикам самогонки, применяя меры вплоть до конфискации части хлеба, скота и прочего» [8, д. 512, л. 133 об.]. В некоторых уездах издавались обязательные постановления о сохранении «революционного порядка», нарушаемого «путём разгула и пьянства, выделки спиртных напитков, спекуляции, карточной игры, хулиганства, краж, порчи государственного имущества, неисполнения распоряжений советской власти». Народным судам Порховского уезда исполком рекомендовал за совершение перечисленных правонарушений назначать меры пресечения в виде лишения свободы сроком до 6 месяцев и

принудительных работ [9, д. 314, л. 151]. Совет народных судей губернии, отмечая «весьма мягкое» отношение судов к лицам, занимающимся тайным винокурением, также выносил обвиняемым оправдательные приговоры, выпустил специальный циркуляр. Народные судьи мягкими приговорами способствовали не только распространению самогонарения, но и распространению преступности, вызываемой «пьяными разгулами» населения. Появление циркуляра было вызвано обращением губернского комитета РКП(б) в отдел юстиции [4, д. 7, л. 87, 88]. По мнению партийного руководства губернии, проведение кампаний по разбору дел о неплательщиках налогов, дезертирах, должностных преступлениях, о нарушении трудового законодательства, «и вообще борьба с преступностью», «есть ударная работа для народных судов» [3, д. 260, л. 309]. Одновременно в это время на народные суды в обязательном порядке накладывалась дополнительная нагрузка – оказание юридической помощи населению, поскольку на волостном уровне именно они оказывались единственным учреждением государственной власти, способным проконсультировать граждан по правовым вопросам [6, д. 4, л. 2 об.].

Псковским народным судам приходилось осуществлять деятельность в тяжёлых условиях. Как отмечалось в отчётной документации, «политическая борьба трудящихся, стальная напряжённость красной битвы рабочих и крестьян с врагами советской власти особенно усилилась в Пскове и Псковской губернии». Политическая нестабильность приводила к дезорганизации в работе псковских народных судов, поскольку в условиях гражданской войны была нарушена последовательная и систематическая работа, особенно важная в начальный период государственного строительства. «Там, где усиливается звук оружейной канонады, там, конечно, слабеет голос судьи», – оценка обстановки работниками губернской юстиции. Губернские большевики, осознавая идеологическое и стабилизирующее значение судебных органов, неоднократно заявляли даже в самые простые для них периоды о невозможности прекращения «ни на один момент» работы судов. Тяжёлые последствия, которые могут быть вызваны «хотя бы кратким замиранием судебной работы» [8, д. 340, л. 87], не являлись желаемым результатом полноценной государственной работы даже в условиях гражданской войны. Речь идёт, прежде всего, о распространении на территории губернии законности, приобретавшей в это время классовое значение. Деятельность суда приобретала не только значение сугубо практическое правоохранительное, но и воспитательное и правотворческое.

Список литературы

1. **Абдурахманова И. В.** Некоторые аспекты формирования образа советского правосудия в массовом правосознании 1918-1921 гг. // Юристы-Правоведы. 2008. № 3. С. 83-87.
2. **Абдурахманова И. В.** Рефлексия «революционной законности» в массовом сознании 1917-1921 гг. // Философия права. 2008. № 3. С. 20-25.
3. **Государственный архив новейшей истории Псковской области** (ГАНИПО). Ф. 1. Оп. 1.
4. **ГАНИПО.** Ф. 1. Оп. 3.
5. **Государственный архив Псковской области** (ГАПО). Ф. Р-286. Оп. 1.
6. **ГАПО.** Ф. Р-515. Оп. 1.
7. **ГАПО.** Ф. Р-532. Оп. 1.
8. **ГАПО.** Ф. Р-590. Оп. 1.
9. **ГАПО.** Ф. Р-608. Оп. 1.
10. **ГАПО.** Ф. Р-960. Оп. 1.
11. **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 32. 605 с.

PEOPLE'S COURTS AND BOLSHEVIK LEGALITY ESTABLISHMENT WITHIN PSKOV PROVINCE IN 1917-1919

Ivan Anatol'evich Shagin

Department of Russian History

Pskov State University

ivashagin@yandex.ru

The author considers the features of new soviet legality establishment within Pskov province in 1917-1919, determines the common characteristics of Bolshevik understanding of legality, which served as the bases of law enforcement agencies activity, pays particular attention to people's courts activity, and analyzes the factors affecting the establishment of the new principles of legality: historical conditions, the subjective ideas of population and state authority individual representatives on law as the system of interpersonal relations.

Key words and phrases: Pskov province; temporal revolutionary courts; legality; commissioner of justice; judicial commissioner; people's court.